

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.90>

Акимушкина Екатерина Олеговна

ИЗОБРАЖЕНИЕ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ В ПЕРСИДСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ (К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЖАНРА ШАХРАШУБ)

В статье на примере описания стихийных бедствий рассматривается, каким образом в персидской классической поэзии изображались явления, разрушающие идеальную картину мира средневековой поэтики. В ходе анализа произведений поэтов Закавказской и Исфаханской поэтических школ (Катрана Табризи, Шараф ад-Дина Шуфурва, Джамал ад-Дина и Камала Исмаила Исфахани) автор приходит к выводу о том, что в основе таких описаний лежат древнейшие мифологические модели, в частности мифологема о гибели мира, а источниками образности для них послужили традиционные мотивы персидской поэзии. Также выявлено участие мотивов, описывающих стихийные бедствия, в становлении жанра шахрашуб, что представляется важным в свете исследования эволюции системы персидских поэтических жанров.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/90.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 432-437. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Литература народов стран зарубежья

Foreign Countries Peoples' Literature

УДК 8; 821.222.1

Дата поступления рукописи: 04.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.90>

В статье на примере описания стихийных бедствий рассматривается, каким образом в персидской классической поэзии изображались явления, разрушающие идеальную картину мира средневековой поэтики. В ходе анализа произведений поэтов Закавказской и Исфаханской поэтических школ (Катрана Табризи, Шараф ад-Дина Шуфурва, Джамал ад-Дина и Камала Исмаила Исфахани) автор приходит к выводу о том, что в основе таких описаний лежат древнейшие мифологические модели, в частности мифологема о гибели мира, а источниками образности для них послужили традиционные мотивы персидской поэзии. Также выявлено участие мотивов, описывающих стихийные бедствия, в становлении жанра шахрашуб, что представляется важным в свете исследования эволюции системы персидских поэтических жанров.

Ключевые слова и фразы: персидская классическая поэзия; формирование жанра шахрашуб; Катран Табризи; Шараф ад-Дин Шуфурва; Камал Исмаил Исфахани; касыда; кыта; мотив.

Акимушкина Екатерина Олеговна, к. филол. н., доцент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
eakimushkina@mail.ru

ИЗОБРАЖЕНИЕ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ В ПЕРСИДСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ (К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЖАНРА ШАХРАШУБ)

В контексте изучения классической персидской поэзии (X-XV вв.) особое внимание исследователей фокусируется на выявлении приемов, которыми пользовались поэты, описывая явления и ситуации, на первый взгляд, не соответствующие эстетике идеального мира средневековой поэтики (например, описание смерти, болезни или пленения правителя, пребывания поэта в заточении). К таким «нежелательным» объектам описания можно отнести и стихийные бедствия (далее – СБ). Анализ мотивов, описывающих СБ, представляется нам особенно важным в свете изучения жанра *шахрашуб* (в пер. с перс. «возмутитель спокойствия в городе». – Е. А.), генезис и становление которого практически не рассматривались в иранистике (см. об этом подробнее в работе Е. О. Акимушкиной [3, с. 42]). Цель нашего исследования заключается в определении роли, которую мотивы СБ сыграли в процессе формирования жанра *шахрашуб* в классической персидской поэзии. Мы ставили перед собой задачу рассмотреть, каким образом поэты, пользуясь традиционными мотивами, описывают «неканоническое» явление, и в результате оно становится органичной частью конвенциональной картины мира персидской поэзии. Кроме того, изучая мотивы, описывающие СБ, мы пытались выяснить, какова степень их участия в становлении жанра *шахрашуб* (точнее, одной из его тематических составляющих) в сопоставлении с другими традиционными мотивами персидской поэзии. Поясним, что на протяжении XI-XV вв. в персидской поэзии существуют две основные тематические разновидности жанра *шахрашуб* [Там же, с. 43-44]. Первая описывает красоту и орудия труда представителей различных профессий, характерных для средневекового города, причем в рамках этой тематической разновидности жанр *шахрашуб* выступает в двух «регистрах» (термин П. Зюмтора [11, р. 22]): в регистре восхваления (похвала профессионализму и/или красоте адресата) и в регистре осмеяния (порицание внешнего вида и/или профессиональных навыков адресата). Вторая тематическая разновидность жанра *шахрашуб* повествует о некоем катаклизме (например, политическом или природном), постигшем город и его жителей, и изучена пока незначительно: так, в рамках исследования эволюции системы жанров и жанровых форм персидской поэзии затрагивалась проблема изображения социально-политических катаклизмов (например, смерти правителя [4, с. 294-300; 9, с. 138-141] и его пленения [2, с. 85-94]). К проблематике СБ в рамках иранистического литературоведения обращались З. Н. Ворожейкина и М. Л. Рейснер, однако эта тема интересовала их в иных аспектах: З. Н. Ворожейкина рассматривала касыды о голоде в рамках анализа творчества поэтов Исфаханской школы в предмонгольское время (XII – начало XIII в.) [5, с. 117-119; 6], а М. Л. Рейснер анализировала одну из касыд Катрана Табризи о землетрясении [9, с. 131-138] в контексте изучения процесса формирования стандартных зачинов персидской касыды. Насколько нам известно, описание СБ в персидской поэзии до сих пор не становилось темой специального исследования.

Образность, относящаяся к СБ, достаточно часто встречается в персидской поэзии, например, в любовной лирике нами обнаружен мотив, инвариантное значение которого можно сформулировать следующим образом: «влюбленные в жестоких красавиц столь горько рыдают, что окружающий мир заливают наводнение слез» (см., например, этот мотив в газели Амира Хосрова Дихлави (1253-1325) [12]). Упоминание о СБ можно встретить и в поэмах-*маснави*: так, в произведении «Сад истин» (*Хадикат ал-хакикат*) Санаи Газнави (XII в.) говорится о голоде в г. Рее [13]. Однако в первом случае имеет место метафоризация образов СБ, а во втором – собственно описание СБ практически не встречается, мы видим лишь краткое упоминание о нем. Нас же, в первую очередь, интересовали произведения, содержащие более или менее подробные описания реальных СБ. Таких произведений нами пока выявлено немного – всего шесть за указанный период. К ним относятся стихотворения, вошедшие в сборники произведений поэтов или сохранившиеся в текстах исторических хроник: в двух произведениях описывается землетрясение (касыды Катрана (ум. 1072) о землетрясении в Табризе); в двух – засуха и последовавшие за ней неурожай и голод (фрагмент касыды Джамал ад-Дина Исфাহани (XII в.) и кыта Камал ад-Дина Исмаила Исфাহани (1172-1237)); в одном случае не вполне ясно, какое именно СБ описывается, некоторые исследователи считают, что имеются в виду разливы реки Заяндеруд в Исфাহане и последующее наводнение (касыда Шараф ад-Дина Шуфурва (ум. 1202 г.)) [5, с. 117]; в касыде уже упоминавшегося выше Камала Исмаила рассказывается о сильном снегопаде в Исфাহане, который по своей внезапности и интенсивности вполне можно рассматривать как СБ. Все эти СБ – геологические (землетрясение), гидрологические (наводнение) и метеорологические (засуха, снегопад) – имели место в действительности, чему есть свидетельства, зафиксированные в исторических источниках (см., например [17, с. 117-118]), соответственно, произведения содержат так называемые «документальные» детали, т.е. отсылки к реальным событиям [9, с. 238-268]. Нам необходимо выявить образность и мотивы, которые использовались поэтами при описании стихийных бедствий, а также, по возможности, их источники и функции описания СБ в произведении.

Выбор указанного временного промежутка обусловлен тем обстоятельством, что именно в этот период в персидской поэзии благодаря относительному разнообразию видов СБ формируется набор мотивов, их описывающих, что важно для анализа формирования жанра *шахрашуб* и в постклассический период (XVI-XVII вв.).

На основании анализа вышеупомянутых поэтических текстов можно выделить три составляющие изображения СБ: описание его наступления, указание его причин и описание последствий. В произведении могут описываться все составляющие или одна/две из них, что зависит от проявления индивидуальной авторской инициативы в рамках канонического типа творчества (о нормативной средневековой поэтике см. подробнее [1, с. 7]). Так, в первой касыде Катрана Табризи представлены все три тематические составляющие СБ, во второй – акцент сделан на его причинах и последствиях, при этом в обеих касыдах достаточно подробно рассказывается о том, каким был город до СБ. Оба произведения Катрана Табризи содержат вступительную и основную (панегирик в адрес представителей династии Равандидов (981-1071)) части. Интересующие нас описания землетрясения (имеется в виду землетрясение, произошедшее в Табризе в декабре 1042 г.) содержатся во вступлении, которое в обеих касыдах построено по одной модели. Так, его первая часть содержит рассуждения поэта о бренности жизни и превратностях судьбы без детализации, вторая демонстрирует конкретный пример бедствий, преследующих человека в земном мире, описывая СБ в Табризе. Принцип выстраивания образа Табриза до СБ восходит к мифологеме «града обетованного» [9, с. 146-153]: описывается процветающий город, в котором царит гармония и жители выбирают себе занятия в соответствии со своими склонностями:

Не было на свете города, который превосходил бы Табриз // по безопасности, богатству, благополучию и красоте.

Пребывая в веселье, все жители обменивались благими пожеланиями. // Город был многолюден и изобилует богатствами.

В нем каждый занимался тем, к чему лежала душа: // кто-то был эмиром, кто-то – слугой, кто-то – предводителем [войска], кто-то – ученым или мудрецом.

Один служил Богу, другой – людям. // Один искал славы, другой – богатства.

Один жаждал пить вино из чаши под звуки пения, // другой натаскивал борзую для охоты на газелей (здесь и далее перевод автора статьи. – Е. А.) [14].

В контексте восхваления города основное внимание поэта сфокусировано на описании занятий жителей и их времяпрепровождения, для чего используются мотивы гедонической, охотничьей, а также философско-аскетической поэзии (*зухдийят*).

Следующий тематический блок содержит рассказ о наступлении СБ и его последствиях:

Послал Господь гибель жителям Тебриза, // и для каждого из них процветание обернулось упадком.

Верх и низ в мире поменялись местами. // Песок превратился в пепел, а пепел – в песок.

Разверзлась земля, и согнулись растения. // Вздулись реки и размягчились горы.

Каждый, кто спасся, похудел от скорбных рыданий, уподобившись волосу [Там же].

Таким образом, в одном стихотворении заключены две составляющие жанра *шахрашуб* – восхваление города и рассказ о его бедствии, достаточно четко отделенные друг от друга, так как формальная маркировка вышеописанных тематических блоков также присутствует: начало каждого маркировано с помощью упоминания названия города (об употреблении имен собственных для обозначения частей касыды см. подробнее [2, с. 39-40; 9, с. 217]). Во второй касыде Катрана имеет место большая степень взаимопроникновения двух тематических блоков, например, в одном бейте описывается положение дел в Табризе до землетрясения, а в следующем – рассказывается о ситуации после СБ, т.е. мотивы перемежаются, например:

Сколько там было красавиц, подобных кашмирским идолам! // Сколько там было роскошных домов, подобных источникам Ризвана (главный среди ангелов, охраняющих рай. – Е. А.)!

В земле оказались те красавицы похоронены. // В земле скрылись те роскошные дома [15].

Как нам кажется, можно осторожно говорить о начале процесса срастания двух тематических блоков, что наблюдается в произведениях, написанных в жанре *шахрашуб* в XVI-XVII вв. (см., например, стихи Калима Хамадани (ок. 1593-1650)). Неоднократно отмечалось, что для философско-аскетической лирики характерно противопоставление блоков мотивов, описывающих блестящее прошлое и безрадостное настоящее [2, с. 22; 9, с. 63-64]. Если с помощью такой схемы описывается прошлое и настоящее города и водоразделом между ними служит СБ, то как раз и получают описанные выше тематические блоки. Для описания СБ и его последствий поэт прибегает в основном к мотивам философско-аскетической лирики и мотивам оплакивания (*марсийа*), однако имеет место и применение образности мотивов *шахрашуб* (неоднократно подчеркивается, что СБ происходит в городе), любовной и гедонической лирики.

В обеих касыдах при переходе к панегирику встречается мотив заслуженного наказания жителей Табриза. Так, в первой касыде сказано, что Господь их покарал за грех гордыни, поскольку они не были покорны правителю:

Земля не стала бы дрожать, если бы она не отказалась // повиноваться приказам шахам, чьи душа и натура достойны восхваления [14].

Во второй касыде поэт не конкретизирует, какое именно поведение жителей привело к наказанию свыше:

Это бедствие произошло из-за наших поступков, // но никто из нас не раскаялся в них [15].

Поэт намекает, что поскольку жители Табриза не раскаялись в своем поведении, такие катастрофы-возмездия будут повторяться. Наш вывод подтверждается тем, что СБ описывается как наступившее до явления Махди и Даджжала, провозвестников Судного дня (Махди – мессия, который должен появиться в мире в конце времен; Даджжал – мусульманский аналог Антихриста. – Е. А.):

Я своими глазами видел день Страшного суда, // наступивший прежде знамения Махди и смуты Даджжала [14].

Поскольку Махди и Даджжал не появились, то это СБ – еще не настоящий Страшный суд, наступающий в конце времен, а лишь его своеобразная «репетиция» («малый» Страшный суд), которую Бог посылает как напоминание людям о том, что нужно жить праведно. В свою очередь, образ «малого» Страшного суда отсылает нас к кораническим мотивам «великих катастроф и их пророков» [8, с. 44-79]. Кроме того, в тексте второй касыды Катрана о СБ содержится отсылка еще к одному кораническому образу – образу Йусуфа (библейского Иосифа) [Там же, с. 90-100], с которым связана тематика СБ (засухи в Египте) и которого братья оставили погибать в колодце:

Кого-то не спасли, и это (произошло) из-за потомков. // Кого-то не нашли, и это (случилось) из-за гнева братьев [15].

Коранические мотивы были заимствованы Катраном не напрямую из Корана, а в опосредованном виде из предшествующей персидской поэтической традиции, и в основе таких эсхатологических мотивов лежит мифологема о гибели мира, уходящая своими корнями в глубокую древность [10, с. 139-146].

Функцией мотивов СБ в касыдах Катрана с учетом того, что основная цель написания последних заключалась в восхвалении повелителя, является напоминание о произошедшем с теми, кто не повинуется «тени Бога на земле», то есть фактически мотивы, описывающие СБ, выполняют функцию устрашения. Мотив наказания Богом жителей города мы обнаруживаем и в касыде исфаханского поэта Шараф ад-Дина Шуфурва:

Видел ты Божью милость, взгляни же теперь на его наказание. // Видел ты разные проявления Его милости, взгляни же теперь на разные проявления Его гнева [17, с. 117].

Причина наказания не называется, но есть косвенный намек на то обстоятельство, что и в данном случае жители пострадали из-за своей гордыни: в тексте стихотворения Исфахан сравнивается с «многоколонным Ирамом», волшебным городом, который, по мусульманскому преданию, был построен царем Шаддадом в подражание раю и уничтожен Аллахом и традиционно ассоциируется в персидской поэзии с мотивом гордыни и непокорности. Как и Катран, Шуфурва описывает СБ в Исфахане как «малый» Страшный суд, используя тот же мотив отсутствия Даджжала и Махди. Обратим внимание, что в этом произведении снова используется стандартная для философско-аскетической лирики схема развертывания мотивов: представлены описания города до СБ и после него. Описание Исфахана до СБ восходит к уже упоминавшейся выше мифологеме «града обетованного», являясь иллюстрацией проявления божественной милости:

Видел ли ты Исфахан, – тот город, подобный раю, // то райское древо-сидра (главное райское древо в мусульманском раю. – Е. А.), тот рай, возвращающий гурий?

<...>

(Этот) город подобен высшему раю, там всегда бывают фрукты, // земля там благоухает мускусом, а гробницы – шафраном.

На каждой улице дома теснятся, как зерна в гранате: // с целомудренной любовью приникли они к другу другу.

Возможно, что в окрестностях базаров не нашлось бы // места даже для иголки среди бесконечных торговых рядов.

Бедными там становятся богатые, щедрые, словно море. // Щедрые там подобны жемчужной раковине, благодаря своему сиротолобивому сердцу [Там же].

Рассматриваемый блок мотивов *шахрашуб* сформирован из мотивов восхваления города и его жителей (описываются здания, базары, жители, ароматы), мотивов календарной и философско-аскетической лирики.

Нижеследующий тематический блок демонстрирует, как образ Исфахана, «рая на земле» (заметим, что имеется в виду рай в кораническом понимании, т.е. описание содержит образы гурий и райского древа-сидра) под влиянием СБ, выступившего манифестацией гнева Бога, переживает ужасающую трансформацию:

А теперь посмотри на этот рай, где вырвано с корнем райское древо-сидра: // [кругом] дети, лишившиеся волос и гурии, у которых погибли мужья.

Город, который жители украшали своим присутствием подобно тому, как прекрасные очи украшают красавицу, // сейчас опустел и стал похож на цветок нарцисса без серединки.

Посмотри на ту Каабу милости, которая уподобилась пугающей пустыне (букв. «заставляющей быстро миновать себя». – Е. А.) [Там же].

Для описания города после СБ используются, главным образом, мотивы философско-аскетической лирики и мотивы *рахил*, описывающие путешествие через пустыню (о мотивах *рахил* см. подробнее [2, с. 27-31]). Как и в касыде Катрана, в произведении Шуфурва используется тот же мотив, связанный с образом Йусуфа, – «пребывание в колодце по вине братьев»: поэт сравнивает себя с Йусуфом, а Исфахан – с колодцем.

О, Господи, заведи меня из этого места, ибо пропадает попусту Йусуф в месте нисхождения [Там же].

На основании анализа мотивов «великих катастроф» подразумевается, что, поскольку лирический герой выжил после СБ и сопоставляет себя с пострадавшим праведником, то он и сам таковым является, правда, в касыде нет намеков на то, что он, подобно ряду коранических пророков, предупреждал жителей города о грядущем воздаянии за грехи. В рассматриваемой касыде доминируют мотивы философско-аскетической лирики, панегирик отсутствует, что означает, что цель написания этого произведения состояла не в восхвалении повелителя, а в увещании грешников, следовательно, носила дидактический характер. Сопоставив описание Исфахана до СБ и после оно, читатель/слушатель должен был убоиться произошедшего и задуматься о своей жизни. В свете такого авторского замысла неслучайным выглядит значительное количество случаев употребления глагола *дидан* («видеть»), который встречается шесть раз на протяжении 21 бейта (см. бейты 1, 13 («ты видел»); 9, 12, 13, 19 («посмотри»)), таким образом, поэт неоднократно предлагает адресату посмотреть вокруг и убедиться самому в его правоте. Между тем в рассмотренных касыдах Катрана на первый план выходит устрашение подданных, которым нужно проявлять послушание по отношению к правителю, и тогда наказания в виде СБ не последует.

В кыта Камала Исмаила, адресованном правителю Исфахана, прослеживаются две функции – восхваление адресата и обращенная к нему же просьба поэта о помощи голодающему населению города (о внелитературных функциях кыта см. [7, с. 43-45]). Таким образом, в произведении причудливым образом сочетаются панегирические мотивы (восхваление щедрости и милосердия адресата и просьба о помощи) и мотивы философско-аскетической лирики (описание страданий голодающих, жалобы на переживаемые тяготы). При этом включение описания последствий СБ (голод) в стихотворение призвано было побудить адресата проявить свойственные ему (и уже воспетые поэтом выше!) щедрость и доброту. Решению этой же задачи должен, по замыслу автора, помочь и тот факт, что свое стихотворение Камал Исмаил снабдил весьма многозначительным редифом *горосне* («голодный, голодающий»), поэтому его просьба о помощи выглядит весьма настойчивой, так как в каждом бейте поэт напоминает адресату о своей цели, например:

Подобно тому, как восток посылает горячий луч [солнца], // твоя щедрость дает с запада знак голодным.

Ни одного рассказа о милосердии не обходится без воспоминаний о милостивых людях, // подобно тому как не обходится без упоминания о хлебе ни один рассказ голодных.

Подари хлеба! Рты голодных раскрыты, словно печь-танур. // А в них острые, словно мечи, зубы голодных [16, с. 502].

Само СБ (засуха) и его причины в кыта Камала не описываются, внимание автора фокусируется на его последствиях (голодный мор):

Дрожит даже диск солнца. Почему? Оттого что // вцепились в него зубами звезды, словно голодающие.

Везде, где ты видел два хлеба в руках ослабевшего [от голода], // в то же самое время увидишь, как за ними [окопавшись] оскаленные зубы голодающих [Там же].

В кыта Камала Исмаила источниками образов и мотивов для описания голода выступает философско-аскетическая и элегическая лирика. Также присутствует и образ Йусуфа, однако в данном случае с ним сопоставляется не поэт, а адресат стихотворения: предполагается, что в ситуации голода он должен поступить так же, как Йусуф во время засухи в Египте, и помочь голодающим:

Оттого что у него, словно у Йусуфа, в руках сокровища, // не сможет он не проявить милосердия к голодающим [Там же, с. 503].

Хотя исследователи творчества Камала Исмаила поясняют, что в этом стихотворении речь идет о голоде именно в Исфахана [5, с. 117], в рассматриваемом произведении нет ни одного намека на то, что голод имеет место именно в городе, соответственно, мотивы *шахрашуб* мы в этом произведении выделить не можем. Голод в Исфахана, последовавший за засухой и неурожаем, описывается в касыде отца Камала Исмаила, Джамал ад-Дина Исфахани [Там же, с. 118-119], но, к сожалению, мы располагаем лишь ее фрагментом объемом в 16 бейтов, к которому мы обращаемся для уточнения и дополнения наших сведений по искомым мотивам, описывающим засуху и голод. В качестве источника последних выступают описания пустыни из блока мотивов *рахил* (зной, безветрие, выжженная бесплодная земля, песок вместо земли, пересохшие ручьи, отсутствие еды и воды, пригодной для питья), мотивы философско-аскетической лирики (изменение

поведения людей в худшую сторону, растущая кровожадность населения, случаи каннибализма в отношении собственных детей, нарушение религиозных норм при попытке голодающих отнять кость у собаки, нечистого, с точки зрения ислама, животного), мотивы оплакивания (некому омыть и хоронить умерших), мотивы календарной лирики, точнее описания летнего сезона (палящий зной, засохшие растения). Также представлены и мотивы *шахраиуб*: описываются улицы с горами трупов умерших от голода, раскаленные от зноя, как сковороды, площади Джубаре, нищие, просящие хлеба, шатающиеся от голода прохожие, то есть описывается голод именно в городе.

Как и в произведениях Катрана и Шуфурва, в касыде Камала Исмаила описание СБ и его последствий содержится во вступительной части:

Никто никогда не видел такого обилия снега. // Кажется, будто снег поглотил всю землю.

Вершины гор скрыты в снегу, // словно семена хлопка среди хлопка-сырца.

Когда с душией гор связалась душа снега (т.е. снег покрыл горы. – Е. А.), // *потеряли надежду на выживание все живые существа* [16, с. 407].

Источниками образности и мотивов для описания СБ и его последствий в рассматриваемой касыде Камала Исмаила выступают календарная и гедоническая лирика (описание наступления зимы и осени, зимних праздников, пиров в холодное время года), любовная и философско-аскетическая лирика мотива *рахил* (образность, присутствующая в описаниях зимнего путешествия через пустыню). Для описания снега Камал Исмаил приводит в своей касыде обширный «каталог» образов-сравнений: хлопок и хлопковая вата, соль, сахар, рассыпанные серебряные слитки, мыльная стружка, шерсть, серебряные монеты, падающие с деревьев листья, лепестки жасмина. Как и в кыта, в рассматриваемой касыде Камал Исмаил не делает акцента на том обстоятельстве, что действие происходит в городе (упоминаются дома, колодцы, сады, жители, но это могут быть части пейзажа любого населенного пункта), поэтому только с большой натяжкой можно говорить, что присутствует образность, характерная для мотивов *шахраиуб*.

В рамках анализа тематической композиции вступления важно отметить, что оно включает в себя не только рассказ о СБ, но и противопоставление бедняков, страдающих от голода и холода, к которым себя относит и сам поэт, и богачей, имеющих все необходимое для приятного досуга даже в такие холода и снегопады:

Есть у богача хлеб и мясо, дрова и вино, // есть и музыкант, который поет ему о снеге.

Пребывая в радости, он даже не смотрит в сторону опечаленных, // пребывая в опьянении, даже не ведает о снеге.

<...>

Совсем не так обстоят дела у Вашего покорного слуги, ибо в каждом своем дуновении ветер // отправляет ему холодные послания на языке снега.

В доме нет ничего съестного, // пьет он воду, вытопленную из снега, попавшего в деревянный водосточный желоб [Там же, с. 408-409].

В рассматриваемом произведении в контексте мотивов философско-аскетической лирики противопоставление тематических блоков сохраняется, но оно сформировано не по хронологическому, а по социальному признаку. Причиной СБ Камал Исмаил называет козни судьбы, которая наслала на Исфаган снегопад. Противостоять судьбе может только восхваляемый, субститут Бога на земле, которого поэт умоляет растопить снег и спасти своих подданных и таким образом выполнить функции, свойственные культурному герою (об этой проблематике в персидской поэзии см. [9, с. 133-137]). После панегирика поэт напоминает о себе, жалуясь восхваляемому на тяжелое положение и объясняя, почему он завершает стихотворение, намекает на необходимость теплой одежды:

Я заканчиваю (свое стихотворение. – Е. А.), *ибо сейчас время надеть шубу. // Веет холодом от этого описания снега во время снегопада* [16, с. 411].

Таким образом, функцией данной касыды является не только восхваление адресата, но и прошение о даре, при этом обширное вступление, более чем в три раза превышающее по объему целевую часть и избыточное описаниями трудностей, с которыми пришлось столкнуться людям во время снегопада, призвано вызвать сочувствие у повелителя и желание даровать поэту просимое.

Как следует из вышеприведенного анализа, основными источниками образности и мотивов для описания СБ выступают традиционные мотивы персидской поэзии, среди которых каждый поэт находит те, которые подходят именно ему для описания конкретного СБ: мотивы описания пустыни из части касыды, называемой *рахил*, и мотивы оплакивания, мотивы философско-аскетической и календарной лирики. Мотивы философско-аскетической лирики используются во всех рассмотренных нами выше произведениях и выступают в качестве универсального источника заимствования. Мотивы переносятся из одного жанра в другой (например, из любовной лирики в философско-аскетическую), с одного объекта на другой (например, с образа поэта, противопоставляющего свое прошлое и настоящее, на образ города) с помощью приема транспозиции (*накл*), стандартного для канонического типа творчества. Описания СБ выстраиваются поэтапно по модели описания «великих катастроф», восходящей к мифологеме о конце света; в создании образа города до СБ основополагающую роль играет мифологема «града обетованного». При описании СБ можно выделить повторяющиеся образы и мотивы, например, мотив пребывания Йусуфа в колодце, мотив отсутствия Махди и Даджжала. Кроме того, можно утверждать, что мотивы СБ действительно участвуют в формировании тематической разновидности жанра *шахраиуб*, описывающей катаклизмы, постигшие город и его

жителей. Так, касыда Шуфурва в наибольшей степени из рассмотренных нами произведений приближается к касыде-*шахрашуб* постклассического периода, так как поэт фокусирует свое внимание на том, как СБ переживают город и его жители. В касыдах Катрана мотивы *шахрашуб* играют вспомогательную роль, поскольку акцент сделан на СБ и его причинах. Как мы видим на примере кыта и касыды Камала Исмаила, наличие мотивов, описывающих СБ, не является свидетельством того, что перед нами произведение, написанное в жанре *шахрашуб*. Изложенные наблюдения представляются нам важными в контексте изучения жанра *шахрашуб* не только в поэзии на фарси, но и на урду, поскольку система жанров и жанровых форм урдуязычной поэзии является во многом производной от таковой персоязычной поэзии, и именно вторая тематическая разновидность рассматриваемого жанра считается преобладающей в поэзии на урду.

Список источников

1. Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: сб. статей. М.: Наследие, 1994. С. 3-38.
2. Акимушкина Е. О. Жанр хабсийат в персидской поэзии XI-XIV веков: генезис и эволюция. М.: Наталис, 2006. 175 с.
3. Акимушкина Е. О. Эволюция жанра *шахрашуб* в персидской поэзии XI-XVII вв.: от Масуда Сада Салмана (1046-1121) до Сайидо Насафи (ум. 1711 г.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2018. № 3. С. 42-56.
4. Бертельс Е. Э. Избранные труды: в 5-ти т. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1960. Т. 1. История персидско-таджикской литературы. 437 с.
5. Ворожейкина З. Н. Исфаханская школа поэтов и литературная жизнь Ирана в предмонгольское время (XII – начало XIII в.). М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1984. 272 с.
6. Ворожейкина З. Н. Касыды о голоде // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: доклады и сообщения: в 4-х ч. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1981. Ч. 1 (2). С. 13-16.
7. Ворожейкина З. Н. Кыт'а – стихотворение-«фрагмент» в персидской поэтической культуре // Неизменность и новизна художественного мира. Памяти Е. Э. Бертельса: сб. статей. М.: Институт востоковедения РАН, 1999. С. 36-56.
8. Пиотровский М. Б. Коранические сказания. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1991. 222 с.
9. Рейснер М. Л. Персидская лироэпическая поэзия X – начала XIII века. Генезис и эволюция классической касыды. М.: Наталис, 2006. 500 с.
10. Рейснер М. Л. Трансформация традиционных мотивов в поэтических произведениях Абдаллаха Ансари (XI в.) // Поэтика средневековых литератур Востока. Традиция и творческая индивидуальность / отв. ред. П. А. Гринцер, А. Б. Куделин. М.: Наследие, 1994. С. 137-170.
11. Zumthor P. Essai de poétique médiévale. P.: Éd. du Seuil, 1972. 518 p.
12. ۲۰۰۶. امير خسرو دهلوی-غزل ۱۶ - دیوان. درج ۳. کتابخانهءالکترونیك شعر فارسی-تهران، ۲۰۰۶. [Электронный ресурс] // Дордж З. Электронная библиотека персидской поэзии. Тегеран, 2006). CD-R.
13. ۲۰۰۶. سنائی غرنوی- کلیت- درج ۲. کتابخانهءالکترونیك شعر فارسی-تهران، ۲۰۰۶. [Электронный ресурс] // Дордж З. Электронная библиотека персидской поэзии. Тегеран, 2006). CD-R.
14. ۲۰۰۶. قطران تبریزی- قصیده در زلزله ء تبریز و مدح ابو نصر مملان- دیوان. درج ۳. کتابخانهءالکترونیك شعر فارسی- تهران، ۲۰۰۶. [Электронный ресурс] // Дордж З. Электронная библиотека персидской поэзии. Тегеран, 2006). CD-R.
15. ۲۰۰۶. قطران تبریزی- قصیده در زلزله ء تبریز و مدح ابو نصر مملان و پسرش- دیوان. درج ۳. کتابخانهءالکترونیك شعر فارسی- تهران، ۲۰۰۶. [Электронный ресурс] // Дордж З. Электронная библиотека персидской поэзии. Тегеран, 2006). CD-R.
16. ۱۱۰۰ - ۱۹۷۰. كمال الدين اسمعيل اصفهانی- خلاق المعانی- دیوان با مقدمه وحواشی وتعلیمات و فهرستها باهتمام حسین بحر العلوم، تهران، ۱۹۷۰ - ص ۱۱۰۰. (Камал ад-Дин Исмаил Исфахани. Творец смыслов. Диван / предисл., прим., коммент. и указатели Хусейна Бахра ал-Улуми. Тегеран, 1970. 1100 с.).
17. مافروخی اصفهانی - محاسن اصفهان- ترجمه از عربی بفارسی بقلم حسین بن محمد بن ابی الرضای العلوی الاوی در سال ۲۲۹ هجری- باهتمام عباس اقبال - تهران، ۱۳۰۰ - ص ۱۹۴۹. (Мафрухи Исфахани. Достопримечательности Исфахана / пер. с араб. на персидск. Хусейна ибн Мухаммада ибн ар-Риза ал-Алави ал-Ави; под ред. А. Икбала. Тегеран, 1949. 130 с.).

DESCRIPTION OF NATURAL DISASTERS IN THE PERSIAN CLASSICAL POETRY (ON THE SHAHRASHUB GENRE FORMATION)

Akimushkina Ekaterina Olegovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
eakimushkina@mail.ru

By the example of natural disasters description, the article examines how the phenomena that destroy an ideal picture of the world of medieval poetics were depicted in the Persian classical poetry. While analysing the works of the poets of the Transcaucasian and Isfahan poetic schools (Qatran Tabrizi, Sharaf ad-Din Shufurva, Jamal ad-Din and Kamal Ismail Isfahani), the author concludes that these descriptions are based on the most ancient mythological models, in particular, the mythologeme about the destruction of the world, and the traditional motives of the Persian poetry were the sources of figurativeness for them. The participation of the motives describing natural disasters in the formation of the shahrashub genre is also revealed, which is important in the light of studying the Persian poetic genres system evolution.

Key words and phrases: Persian classical poetry; shahrashub genre formation; Qatran Tabrizi; Sharaf ad-Din Shufurva; Kamal Ismail Isfahani; qasida; qita; motive.